

Для цитирования: Лукин, А. Н. Хронотоп войны начала XXI века: военно-философский аспект / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 27—37. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. — EDN IWWNLD.

УДК 531.111

EDN IWWNLD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37

ХРОНОТОП ВОЙНЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ВОЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент. Челябинск, Россия. E-mail: anlukin@mail.ru

Домрачев Сергей Станиславович,

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Челябинский филиал профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), кандидат философских наук, доцент. Челябинск, Россия. E-mail: ssdomrachev@mail.ru

Аннотация:

Введение. Война как социальный феномен во все времена была объектом философской рефлексии, так как её результаты во многом определяют дальнейшее развитие общества, оказывают глубокое влияние на все сферы социальной жизни. В связи с продолжающейся так называемой специальной военной операцией, которую проводит Россия на Украине и которая одновременно является прокси-войной коллективного Запада против нашей страны, идёт уточнение современного философского дискурса войны [14]. Одним из важных аспектов онтологии войны является рассмотрение её хронотопа. Пространственно-временной фактор оказывает значительное влияние на ход и результат боевых действий в современной войне, что делает его исследование весьма актуальным.

Цель. Дать характеристику хронотопа современной войны. Показать влияние пространственно-временного фактора на ход и результат боевых действий.

Методы. Являясь сторонниками реляционной концепции пространства и времени, авторы рассматривают хронотоп войны как её внутреннее атрибутивное свойство. Кроме того, мы опираемся на методологию синергетики, которая позволяет помимо внешнего универсального пространства-времени выделять внутреннее пространство-время открытых сложных неравновесных систем. Мы применили структурно-функциональный анализ для исследования материальных и идеальных объектов, влияющих на характеристики пространства и времени современной войны. Нами также использованы общенаучные методы: абстрагирование, сравнение, описание и объяснение.

Научная новизна. Дана характеристика хронотопа войны начала XXI века, рассмотрены тенденции его изменений. Обосновывается необходимость учёта пространственно-временных изменений при планировании и ведении боевых действий в современной войне.

Результаты. Новые средства ведения боевых действий, а также соответствующие им изменения в тактике, оперативном искусстве и стратегии существенным образом переформатируют хронотоп войны. Пространство современной войны коренным образом трансформируется за счёт того, что противоборство одновременно происходит не только на плоскости, но и в воздухе, в космосе, под водой и даже в социальных сетях. Новые возможности ударных систем меняют представления о таких характеристиках пространства войны как фронт и тыл. То, что ранее считалось глубоким безопасным тылом, в эпоху использования ракет и боевых дронов таковым уже не является. Время войны также меняется. Возрастание скорости полёта боеприпасов, самолётов, ракет повышает динамику сражений, интенсифицирует все процессы на поле боя. Гиперзвуковые системы меняют темпоритм войны, космические спутники, разведывательные дроны и новые технологии позволяют командиру, управляющему сражением, видеть всё происходящее на поле боя в режиме реального времени, независимо от удалённости от объектов. Каждая новая война ведётся в присутствии ей пространственно-временном континууме. Для победы в войне необходимо всё это учитывать.

Выводы. Хронотоп войны в рамках преобладающей в современной философии реляционной концепции пространства и времени меняется в связи с появлением принципиально новых средств ведения боевых действий, обладающих новыми возможностями.

Это требует существенной корректировки управления боем, обеспечения адекватности поведения человека на войне, подготовки войск с учётом характеристик пространственно-временного континуума конкретной войны, понимания со стороны командного состава сути изменений в пространстве и времени современной войны. Старые шаблонные представления о хронотопе войны могут стать причиной дезориентации человека на поле боя. Это требует не только философской рефлексии происходящих пространственно-временных изменений, но и практического учёта новых знаний при подготовке войск, при планировании и ведении боевых действий.

Ключевые слова:
война,
хронотоп,
пространство,
время,
философия войны.

Введение

Война сопровождает человечество на протяжении последних тысячелетий его существования. Однако современная война существенно отличается от войн предыдущих эпох. Возрастающие темпы изменений в технике и технологиях, в образе жизни человека, глобализация процессов в социуме, цифровизация экономики и всех аспектов человеческого бытия существенно меняют характер военных действий. Не удивительно, что страны и армии готовятся ко вчерашним войнам, так как подготовка ведётся на основе обобщения опыта прошлого, который очень быстро по сравнению с прошлыми веками и даже десятилетиями перестаёт быть актуальным. Новые войны требуют переосмысления старого опыта (а иногда и частичного отказа от него), они наполнены новым содержанием, в то время как боевые уставы, как правило, учитывают лишь опыт прошлых сражений, которые в меняющемся мире уже не повторяются. Полководец, если он всего лишь носитель старых знаний о войне, не в состоянии адекватно ориентироваться в пространстве и времени современной войны ввиду иной интенсивности событий, отличного от прежнего соотношения тыла и фронта, возможности с помощью цифровых технологий наблюдать за противником на всей глубине его боевых построений в режиме реального времени и мгновенно принимать решение на его подавление или уничтожение. Даже в древности шаблонность мышления была противопоставлена военным стратегам. Интересную аналогию для иллюстрации этой мысли использует Сунь-Цзы, сравнивая войну с водой: «...У войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством» [23]. Современная война имеет отличные от прежних войн параметры. Целью нынешних войн стали захват и контроль над всеми видами пространства (физического, ментального и духовного) [11]. В военном противостоянии современной эпохи акценты смещены в сферу интеллекта, ментальности, социальных технологий, идеологической борьбы. Без учёта этого невозможно сейчас эффективно подготовиться и одержать в войне победу. Как отмечает современный философ А. В. Соловьёв: «Философия войны позволяет проникнуть в сущность изменений облика войны, а в ряде случаев предвосхитить направление трансформаций современных войн» [22].

Исследование хронотопа современной войны вызвано желанием осмыслить существенные трансформации, происходящие в военном противоборстве, где иная динамика процессов по сравнению с прошлым, иные по своим характеристикам средства и способы воздействия на противника.

1. Пространство и время в современном философском дискурсе

Для понимания хронотопа современной войны следует определиться с методологическими основаниями его исследования. Сторонниками субстанциональной концепции, в числе которых философы Демокрит, Эпикур, физик И. Ньютон, пространство и время рассматривались как некий абсолютизм, отделённая от материальных систем реальность. Хронотоп, с этой мировоззренческой позиции, представлялся однородным во всей Вселенной. Такое понимание пространства-времени было характерно для механистической картины мира Нового времени. С момента появления специальной и общей теории относительности А. Эйнштейна на первый план выходит реляционная концепция пространства и времени, согласно которой, их следует рассматривать в единстве как внутренний атрибут материальной системы, как отношение элементов внутри неё [27]. Такое понимание хронотопа присуще ряду философов прошлого, например Аристотелю [1] и Г. Лейбницу, который считал бессмысленным представление о пространстве вне отношения тел между собой [13], но именно теория относительности дала этой идее наиболее глубокое теоретическое обоснование. Предметом особых научных дискуссий всегда была асимметрия времени, природу которой частично объясняет рассмотрение неравновесных процессов в изолированной системе, в которой, согласно Р. Клаузиусу и Л. Больцману, возрастает энтропия, приближая систему к равновесию, с присутствием такому состоянию максимуму энтропии [5]. Существенный вклад в понимание времени внесли И. Р. Пригожин и другие представители брюссельской школы. Они обосновали положение о том, что в диссипативных структурах (сложных иерархических открытых системах, постоянно обменивающихся с внешней средой веществом, энергией и информацией и далёких от термодинамического равновесия) необратимость процессов возникает естественным образом. Для нашей работы эвристически ценным является идея И. Р. Пригожина о

том, что следует различать динамическое время и внутреннее время диссипативной системы [18]. Внутреннее время — это время внутри неустойчивой динамической системы. Военный конфликт, в нашем понимании, — это вариант такой системы. Таким образом, для современного философского дискурса пространства и времени характерно различие внешнего (универсального) времени системы, в земных условиях заданного относительно неизменными на протяжении последних миллиардов лет связями между прежде всего Землёй, Солнцем и Луной. Стабильность нашего внешнего пространства и времени как раз и объясняется стабильностью этих космических объектов и взаимосвязей между ними. Если для человека и всего находящегося на нашей планете это время и пространство внешние, то для системы Солнце—Земля—Луна они внутренние. Через миллиарды лет, когда Солнце, по прогнозам учёных, сначала катастрофически расширится, а потом сожмётся и станет карликом, хронотоп в этом месте Вселенной будет переформатирован. Внутреннее время системы может существенно отличаться от внешнего. В биологических и социальных системах свой хронотоп. Разрушение системы означает исчезновение её внутреннего пространства и времени. Правомерно, в свете изложенного выше, утверждать наличие внешнего и внутреннего пространства и времени военных действий. Более подробно эта мысль будет раскрыта в следующем разделе статьи.

В истории философии были мыслители, которые не считали пространство и время атрибутом реального мира. Аврелий Августин был убеждён, что время существует исключительно в духовном пласте бытия человека, в котором только и происходит разделение на прошлое, настоящее и будущее, считая все проявления времени видами настоящего — настоящее прошлого, настоящее настоящего, настоящее будущего [2]. И. Кант видел в пространстве и времени априорные формы человеческого мышления, которые приводят в порядок данные эмпирического этапа познания [8]. Дж. Беркли и Д. Юм под пространством и временем понимали субъективное свойство человеческого сознания, а А. Бергсон, М. Хайдеггер — внутреннее переживание личности [25]. А. С. Чупров в заслугу М. Хайдеггеру ставит то, что он «...отважился показывать бытие как нечто само себя переживаемое посредством человека, выступающим по отношению к “бытию вообще” неким Со-Бытием» [26]. В психологии используется понятие

«субъективное время», под которым понимается отличная от объективного времени длительность, которая отражает в человеческом сознании цепочку состоявшихся, существующих и ожидаемых событий, состояний, переживаний [16]. По взглядам А. Эйнштейна, пространственно-временной континуум, не имеет отдельного бытия, это скорее структурное качество гравитационного поля. Но при этом А. Эйнштейн не отрицал возможности рассмотрения пространства и времени в качестве принципов человеческого мышления, а не внешних условий нашей жизни [27].

Все рассмотренные нами философские взгляды существенным образом повлияли на исследование специфики хронотопа культуры — в этой области проводится много отдельных философских и культурологических исследований [15]. Что подтверждает эвристическую ценность различения внешнего (универсального) пространства и времени и внутреннего хронотопа сложноорганизованной системы, специфика которого обусловлена внутренним строением этой системы.

Таким образом, внутреннее пространство и время сложной иерархической открытой, неравновесной системы, согласно выбранному нами подходу, — это формы координации сосуществующих внутри системы объектов. Хронотоп системы зависит от качества элементов системы и взаимосвязей между ними. Изменение качественного состояния элементов системы и их взаимосвязей неизбежно приводит к соответствующему изменению внутренних пространственно-временных характеристик системы. При этом внешнее универсальное время системы может оставаться неизменным, существенно отличаясь от внутренних характеристик времени и пространства сложноорганизованной, открытой неравновесной системы.

1. Пространственно-временной фактор на войне

Научно-техническая революция в наше время приобрела перманентный характер. Она существенным образом меняет материально-техническую базу вооружённых сил и других структур, участвующих в военном противоборстве держав и коалиций стран. Использование новейших космических и цифровых технологий, разведывательно-ударных комплексов, высокоточного оружия привели к качественным преобразованиям в вооружённой борьбе. Точечные сокру-

шительные удары на всю глубину боевых порядков противника и по его критической инфраструктуре в глубоком тылу, широкое использование разведывательных и ударных беспилотных летательных, надводных и подводных аппаратов, получение информации о любом перемещении сил и средств противника в режиме реального времени благодаря спутникам и дронам, применение «умных» бомб и снарядов (наводящихся на цель через космические спутники) — подобные новинки вооружённой борьбы изменяют саму парадигму войны [12]. Этим обусловлена трансформация внутреннего хронотопа войны, отличного от внешнего универсального пространства и времени. Правильная ориентация человека (от полководца до рядового солдата) на современной войне предполагает необходимость учёта подобного рода изменений.

Человек в своей практике часто вносит изменения в координацию расположенных вокруг него объектов. Сакральное пространство в культуре разных народов задаёт свою иерархию расположенных в нём объектов — алтарь храма не равен иной его части, тем более территории за пределами культового сооружения. Религиозный обряд или ритуал переносит его участников из обычного универсального хронотопа в сакральное пространство и время. Отличие сакрального пространства и времени от универсального физического хронотопа подробно описал в своих работах М. Элиаде [28]. Подобно этому, хронотоп войны задаёт свою специфику координации объектов на поле боя. Командир, распределяя цели между подчинёнными, деля их на первоочередные и второстепенные, участвует в форматировании пространства боя. «Свой» в бою существенно отличается от «чужого», ключевая позиция имеет более важное значение, чем другие. Все особенности местности рассматриваются в логике пространства боя. Находясь на этой же местности в мирное время, мы совершенно по-другому ориентируемся на ней. Появление в физическом пространстве активно используемых средств вооружённого насилия переформирует внутреннее пространство боя. Качество боевой техники и вооружения, новые технологии их применения влияют напрямую на хронотоп войны.

Игровое пространство также отличается от внешнего универсального пространства. Например, при игре в футбол специальными линиями обозначены размеры игрового поля, штрафной площади, ворот и т. д. Иногда считанные сантиметры располо-

жения мяча по отношению к линии ворот решают судьбу матча, турнира, размера призовых выплат, будущего команд и игроков. Противоборство команд проходит в соответствии с хронотопом игры. Незнание этих правил делает нас дилетантами в этой области без шансов на победу. Все виды игр имеют отличный друг от друга внутренний хронотоп. Меняя правила, мы можем вносить в него изменения. Так, сокращение лимита времени на заданное количество ходов в шахматах существенно изменяет характер противоборства на шахматной доске. Профессионалы отмечают существенное отличие в стратегии и тактике игры в «быстрые» шахматы и шахматы с обычным лимитом времени. Правила ведения современных боевых действий преимущественно диктуют кроме политических и иных параметров используемые сторонами технические средства. Возможности дальнобойных орудий позволяют их держать дальше от линии соприкосновения войск и делают уязвимыми объекты противника на всю глубину их действия. Появление на поле боя большого количества новых гораздо более дальнобойных ракет или ударных дронов большого радиуса действия, радиолокационных станций контрбатареинной борьбы меняет всю конфигурацию района боевых действий.

Бывший заместитель министра обороны РФ академик РАН А. А. Кокошин в своих экспертных оценках прямо отмечает наметившийся устойчивый тренд в области военных технологий, обуславливающих соответствующие изменения в сфере военного искусства, — систематическое увеличение количества и качества средств и способов ведения войны практически по всем направлениям — от ядерного оружия до нелетальных средств поражения [9].

Ряд экспертов настаивают на том, что современная война наиболее адекватно может быть представлена в качестве системно-целевой модели. Это выражается в попытке создать концепцию сетцентрической войны, что позволяет увидеть синхронное противоборство воюющих сторон в нескольких, отличных друг от друга пространствах: в материальном или физическом, информационном, когнитивном (рассудочном) и социальном. Каждое противостояние наполнено своим специфическим содержанием, отличается целями, решаемыми задачами, средствами и технологиями, но при этом для победы в войне важно достичь эмерджентного эффекта, т. е. обеспечить максимальную синергию (однаправленность действий

различных сил) всех элементов системы [3, с. 30]. Это приводит нас к важному выводу о том, что между разными пространствами, на которых происходит противостояние в войне нет непроходимой грани, они зависимы друг от друга. Так, успешные действия на поле боя на физическом уровне существенно влияют на информационное противостояние и, наоборот, информационные диверсии в той или иной степени обуславливают результат вооружённого противостояния.

Стратегия войн прошлых столетий предполагала прежде всего разгром вооружённых сил врага. По мнению некоторых военных экспертов, в современной войне это иногда не столь важно — достаточно привести их в такое состояние, при котором они не будут иметь возможности вести вооружённую борьбу под натиском информационно-психологических, экономических, политических и иных способов воздействия, осуществляемых в соответствующих им пространствах [20]. Тем не менее мы согласны с А. В. Сержантовым в том, что применение вооружённых сил по-прежнему стоит считать атрибутивным признаком войны, несмотря на коренные изменения в её содержании. Конечно, информационное, экономическое и пр. виды воздействия позволяют наносить противнику урон, сопоставимый с результатами вооружённого насилия, но всё-таки так называемые информационные, психологические, экономические и пр. войны, войнами в полном смысле не являются. Другое дело, что они могут быть использованы в качестве компонентов современной войны. Но вне сочетания с применением вооружённых сил термины «информационная война», «дипломатическая война», «экономическая война», «психологическая война» используются для того, чтобы указать на жёсткость противостояния и возможность нанесения существенного урона противнику [14; 20]. Возможно, со временем научному сообществу будет навязано понимание экономической, информационной и пр. войн как разновидностей войн, элементов её классификации (попытки этого встречаются уже сейчас), но мы не видим в этом эвристической ценности.

Гибридный характер современных международных конфликтов усложняет различение войны и мира. Например, в военное противостояние России и Украины вовлечены члены НАТО и некоторые другие страны — они оказывают Украине помощь предоставлением военной техники, боеприпасов, разведывательных данных, воздействуют на Россию экономическими

санкциями, политическим давлением. Но до тех пор, пока не вовлечены в конфликт их вооружённые силы, есть основания не считать их прямыми участниками войны. Получается, что в информационном, экономическом и политическом пространстве США и её союзники напрямую противостоят России на стороне Украины и только отсутствие их регулярных войск в районе боевых действий (в физическом пространстве) сдерживает перерастание этого конфликта в полномасштабную третью мировую войну.

Сильная сторона военного конфликта может не достичь целей войны, имея превосходство на театре военных действий (в физическом пространстве), если не сможет противостоять противнику и тем, кто его поддерживает на дипломатическом, гуманитарном и экономическом фронте [17]. Таким образом, провалы противника на поле боя могут в некоторой мере компенсироваться успехами в информационном, экономическом и др. пространствах.

Субъективное пространство и время человека на войне

Исходя из нашего понимания пространства и времени как способа координации сосуществующих объектов, а также наличия внешнего (универсального) и внутреннего (уникального) хронотопа у сложноорганизованной открытой неравновесной системы (в качестве которой можно рассматривать войну) рассмотрим положение человека, являющегося участником военных действий.

Эвристически ценно, на наш взгляд, различать объективные и субъективные пространство и время на войне. Субъективное время характеризуется интенсивностью происходящих в жизни человека изменений, наполненностью событиями, характером происходящих процессов. Субъективное пространство отличается пониманием своего места на поле боя среди своих сослуживцев, врагов, военной техники, оружия, территории, занятой войсками (своими и неприятеля) и т. д. Хронотоп на войне субъективно воспринимается как экстремальный, так как в нём присутствует реальная опасность для собственной жизни. Не случайно при исчислении стажа военной службы один год пребывания на войне приравнивается нормативными правовыми документами в нашем государстве к трём мирным годам [19].

Субъективное пространство-время участника военных действий коррелирует с объективным внешним хронотопом войны. На

его формирование также влияют мощные информационные потоки, способные нарушить устоявшиеся формы координации человека в окружающем мире, переформатировать его внутренний мир. Человек присутствует своим телом в районе боевых действий, но кроме того пребывает ментально в глобальном информационном пространстве, к которому он получает доступ благодаря современным цифровым технологиям. Неверная координация в информационном поле может быть столь же губительна, как и в материальном измерении на поле боя. Если воин не способен правильно понимать происходящее на поле боя, не различая опасные цели от обычных, возможности своих и чужих средств вооружённой борьбы, средств укрытия и защиты, то это таит для него смертельную угрозу. Столь же непоправимые последствия могут наступить в результате неправильной координации в информационном пространстве.

Информационное пространство в современной войне стало ареной жёсткого противодействия. В прошлые времена информационное воздействие на врага с целью его деморализации, конечно, тоже проводилось. Однако новые технические возможности позволяют теперь тотально воздействовать на противника, как на его военнослужащих, так и на всё население. По оценкам экспертов, войны прошлого включали в себя примерно 80 % насилия и 20 % информационной обработки. Войны нынешней эпохи предполагают 80—90 % пропаганды и только 10—20 % вооружённого насилия. «При этом эффект от информационного воздействия может быть сопоставим с результатами крупномасштабного применения военной силы» [24, с. 37]. Можно, на наш взгляд, ставить под сомнение точность этих цифр, но вряд ли кто осмелится возражать против признания наличия общей тенденции возрастания роли информационного противостояния в современной войне. Доминирование в информационном пространстве в ходе вооружённого конфликта имеет своей целью не только психологическое подавление противника, но и духовную мобилизацию своих войск и населения, а также формирование нужного отношения к своим действиям на международной арене. Для господства в информационном пространстве важно овладеть его ключевыми элементами — средствами производства и трансляции информации, а также ресурсами, позволяющими разрушать информационные потоки, формируемые противником. Подобно тому как важ-

но для удержания инициативы на поле боя занимать командные высоты в физическом пространстве, в информационном хронотопе первостепенное значение приобретает контроль над социальными сетями и популярными СМИ. Здесь также сражаются «армии» профессиональных специалистов, применяется стратегия и тактика присущие информационной войне.

В цифровую эпоху война предполагает нанесение поражения не только армии, но и всему населению, живущему на территории противника, через обеспечение сковывания воли к сопротивлению врагу со стороны военных и мирных граждан. Поэтому стоит признать правоту ведущих военных экспертов нашей страны президента Академии военных наук РФ М. А. Гареева и вице-президента этой академии Н. И. Турко в том, что «современные военные разработки в информационной сфере обладают потенциалом, способным в корне изменить облик войны XXI века» [6, с. 9]. Теперь каждый гражданин воюющей державы становится объектом информационного влияния со стороны противника, готового оказывать комплексное воздействие на массовое общественное сознание, но способного также к эффективной работе с разными референтными группами, проведению масштабных и локальных информационно-психологических диверсий и провокаций, введению людей в заблуждение, в состояние страха и паники. Решающие события, таким образом, могут происходить вдали от линии фронта, обозначенной на картах военных.

Таким образом, современная война в гораздо более значительной степени, чем прежде, превращается в противостояние смыслов. Её гибридный характер предполагает стремление противоборствующих сторон установить жёсткий контроль над ментальным слоем общественного сознания страны-противника, посеять сомнение в справедливости действий своего политического руководства и вооружённых сил, подорвать веру в победу над врагом, посеять панические настроения, расколоть общество [4, с. 170]. Следом за этим информационная политическая и финансовая поддержка оппозиции правящему режиму может способствовать разрушению внутреннего единства социума и даже привести к смене политического режима в стране. Подобные цели ставились и в прошлые века, но тогда не было столь мощных средств ведения информационной войны, что обуславливало акцент на вооружённое насилие как средство ведения войны.

В последнее время всё более часто в научной литературе используется термин «консциентальная война», под которой принято понимать переформатирование общественного сознания страны-противника. Эти цели, в первую очередь, достигаются в информационном пространстве. Они могут сочетаться с вооружённым насилием или использоваться без его применения. Классическим примером применения таких технологий являются «цветные революции», которые происходят в самых разных уголках мира. О технологии подготовки подобного рода государственных переворотов написано много научных трудов [20]. Некоммерческие организации, финансируемые из зарубежных западных источников, способны существенным образом изменить ориентацию своих адептов в социально-культурном пространстве. То, что ранее воспринималось как сакральное, традиционно-значимое и важное становится в новой сетке координат устаревшим, отсталым, вредным. Напротив, на вершину в ценностной иерархии возносятся те идеалы и смыслы, которые будоражат сознание масс, заставляя их разрушать устоявшиеся социальные институты.

Культура постмодерна, отмены, постправды и пр. — это реализованный проект переформатирования хронотопа культуры отдельных социумов с претензией на глобальное доминирование.

Таким образом, современные войны предполагают нанесение поражения противнику не только в физическом пространстве и времени, противоборствующие стороны также нацелены на переформатирование субъективного мира людей. Правильная координация в субъективном пространстве и времени столь же необходима для победы, как адекватная ориентация на поле боя.

Заключение

Высокая динамика в сфере военных технологий обуславливает уникальность хронотопа каждой новой войны. Не случайно даже те офицеры и генералы российской армии, которые имели опыт чеченской и сирийской войн не сразу смогли адекватно ориентироваться в хронотопе специальной военной операции на Украине. Понадобился период адаптации к новым для них реалиям. Как отмечает А. А. Свечин: «Каждая война — частный случай, требующий установления особой логики, особой линии стратегического мышления» [21, с. 170]. Всё

это требует пересмотра подготовки кадров в военных академиях и училищах, где пока, на наш взгляд, слишком много времени и усилий направлено на изучение опыта прошлых войн, освоение алгоритмов успешных действий в прошедших сражениях. Злоупотребление таким подходом приводит к формированию шаблонности мышления, неготовности ориентироваться в уникальном хронотопе конкретной войны.

Специальная военная операция продемонстрировала высокую степень вовлечённости в решении её задач как федеральных, так и региональных органов власти по всей стране. На наш взгляд, есть смысл в том, чтобы вернуться к имевшей место в советское время практике повышения квалификации и профессиональной переподготовки в Военной академии Генерального штаба руководящего звена федеральных и региональных органов исполнительной власти по программе «Национальная безопасность».

Военно-философская мысль должна оперативно реагировать на изменения в военной сфере, обогащая военную науку адекватными современным реалиям методологическими установками.

1. Аристотель *Метафизика* // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — Т. 1. — М. : Мысль, 1976. — 550 с.

2. Аврелий, Августин. *Исповедь* / Августин Аврелий. — СПб. : Азбука, 1999. — 604 с.

3. Анненков, В.И. *Сетецентризм: геополитические и военно-политические аспекты современности* / под общ. ред. проф. В. И. Анненкова / В. И. Анненков, С. Н. Баранов, В.Ф. Моисеев, С.С. Хархалуп. — М.: РУСАВИА, 2013. — 496 с.

4. Бартош, А.А. *Смыслы гибридной войны* / А. А. Бартош // Вестник АВН. — 2017. — № 2 (59). — С. 165-172.

5. Больцман, Л. *Избранные труды* / Л. Больцман — М. : Наука, 1984. — 589 с.

6. Гареев, М. А. *Война: современное толкование теории и реалии практики* / М. А. Гареев, Н.И. Турко // Вестник АВН. — 2017. — № 1 (58). — С. 4—10.

7. Дорфман, Л. Я. *Асимметрия и симметрия времени, и их значение в психотерапии* / Л. Я. Дорфман, Р. М. Нагдян // Вестник российского-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 2 (26). — С. 195—212.

8. Кант, И. *Критика чистого разума* / И. Кант — М. : АСТ, 2022. — 784 с.

9. Кокошин, А. А. *Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России* / А. А. Кокошин. — М. : ЛЕНАНД, 2015. — 128 с.

10. Ксенофонов, В.А., *Война как реальность современного бытия* / В. А. Ксенофонов, Н. Л. Нижнева-Ксенофонтова // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2016. — № 4 (9). — С. 5—10.

11. Ксенофонов, В. А. *Познание философии войны — залог безопасности государства* / В. А. Ксенофонов // Научная мысль. — 2019. — Т. 10. — № 4-1 (34). — С. 43—51.

12. Кузьмович, А. В. *Война в современном мировом политическом процессе* / А. В. Кузьмович // Научно-информационный журнал Армия и общество. — 2013. — № 2 (34). — С. 89—93.

13. Лейбниц, Г. В. *Сочинения, в четырёх томах. Серия: Философское наследие. Т. 3* / Г.В. Лейбниц. — М. : Мысль, 1984. — 734 с.

14. Лукин, А.Н. *Философия войны: формирование современного дискурса* / А. Н. Лукин, Ш.Ш. Хайрулин // Социум и власть. — 2022. — № 3 (93). — С. 25—36.

15. Лукин, А. Н. *Хронотоп культуры* / А. Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2009. — № 4 (20). — С. 38—45.

16. Меньчиков, Г. П. *Время, пространство, хронотоп в социальном и гуманитарном знании* / Г. П. Меньчиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2007. — № 1. — С. 3—9.

17. Монастырева, Л. Н. *О современных гибридных войнах* / Л. Н. Монастырева, Л. Н. Романова // Вестник НИЦ ВА РВСН. — 2022. — № 4. — С. 119—123.

18. Пригожин, И. *Философия нестабильности* / И. Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46 -57.

19. Сенявская, Е. С. *Время и пространство на войне* / Е. С. Сенявская // Историческая психология и социология истории. — 2010. — Т. 3. — № 1. — С. 5—17.

20. Сержантов, А. В. *Трансформация содержания войны: от прошлого к современному* / А. В. Сержантов // Военная мысль. 2021. — № 1. — С. 45—56.

21. Свечин, А.А. *Стратегия* / А. А. Свечин. — М. : Госвоениздат, 1926. — 400 с.

22. Соловьев, А. В. *Философия войны: единство в многообразии* / А.В. Соловьев // Философские науки. — 2020. — Т. 63. — № 1. — С. 20—39.

23. Сунь-цзы *Трактат о военном искусстве* / Сунь-цзы. — М. : Попурри, 2015. — 140 с.

24. Фадеев, А. С. *Военные конфликты современности, перспективы развития спо-*

собов их ведения. Прямые и непрямые действия в вооружённых конфликтах XXI века / А. С. Фадеев, В. И. Ничипор // Военная мысль. — 2019. — № 9. — С. 33—41.

25. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Харьков : Фолио, 2003. — 503 с.

26. Чупров, А. С. Диалоги на краю онтологической бездны / А. С. Чупров // Социум и власть. — 2019. — № 5 (79). — С. 123—137.

27. Эйнштейн, А. Теория относительности. Избранные работы / А. Эйнштейн — Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. — 224 с.

28. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. — М. : Издательство Московского университета, 1994. — 144 с.

References

1. Aristotel' (1976) *Metafizika* [Metaphysics]. *Soch. v 4-kh vols.* Moscow, Mysl'. Vol. 1. 550 p. [in Rus].

2. Avreliy Avgustin (1999) *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Azbuka». 604 p. [in Rus].

3. Annenkov V.I., Baranov S.N., Moiseev V.F. Harkhalup, S.S. (2013) *Setetsentrizm: geopoliticheskiye i voyenno-politicheskiye aspekty sovremennosti* [Network-centrism: geopolitical and military-political aspects of modernity]. Moscow, RUSAVIA. 496 p. [in Rus].

4. Bartosh A.A. (2017) *Smysly gibridnoy voyny* [Meanings of hybrid war]. *Vestnik AVN*. no. 2 (59). pp. 165-172. [in Rus].

5. Boltzmann L. (1984) *Izbrannyye trudy* [Selected writings]. Moscow, Nauka. 589 p. [in Rus].

6. Gareyev M.A., Turko N.I. (2017) *Voyna: sovremennoye tolkovaniye teorii i realii praktiki* [War: modern interpretation of theory and realities of practice]. *Vestnik AVN*. no. 1 (58). pp. 4-10. [in Rus].

7. Dorfman L.YA., Nagdyan R.M. (2017) *Asimmetriya i simmetriya vremeni, i ikh znachenije v psixhoterapii* [Asymmetry and symmetry of time, and their significance in psychotherapy]. *Vestnik Rossiysko-armyanskogo (slavyanskogo) universiteta: gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. no. 2 (26). pp. 195-212. [in Rus].

8. Kant I. (2022) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, AST, 784 p. [in Rus].

9. Kokoshin A.A. (2015) *Strategicheskoye yadernoye i neyadernoye sderzhivaniye v obespechenii natsional'noy bezopasnosti Rossii* [Strategic nuclear and non-nuclear deterrence in ensuring the national security of Russia]. Moscow, LENAND. 128 p. [in Rus].

10. Ksenofontov V.A., Nizhneva-Ksenofontova N.L. (2016) *Voyna kak real'nost' sovremennogo bytiya* [War as a reality of modern life]. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela*. no. 4 (9). pp. 5-10. [in Rus].

11. Ksenofontov V.A. (2019) *Poznaniye filosofii voyny — zalog bezopasnosti gosudarstva* [Knowledge of the philosophy of war is the key to the security of the state]. *Nauchnaya mysl'*. Vol. 10. no. 4-1 (34). pp. 43-51. [in Rus].

12. Kuz'movich A.V. (2013) *Voyna v sovremennom mirovom politicheskom protsesse* [War in the modern world political process]. *Nauchno-informatsionnyy zhurnal Armiya i obshchestvo*. no. 2 (34). pp. 89-93. [in Rus].

13. Leybnits G. V. (1984) *Sochineniya, v chetyrokh tomakh. Seriya: Filosofskoye nasledije*. Vol. 3. [Compositions]. Moscow, Mysl'. 734 p. [in Rus].

14. Lukin A.N., Khayrulin SH. SH. (2022) *Filosofiya voyny: formirovaniye sovremennogo diskursa* [The philosophy of war: the formation of modern discourse]. *Sotsium i vlast'*. no. 3 (93). pp. 25-36. [in Rus].

15. Lukin A.N. (2009) *Khronotop kul'tury* [Chronotope of culture]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. no. 4 (20). pp. 38-45. [in Rus].

16. Men'chikov G.P. (2007) *Vremya, prostranstvo, khronotop v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Time, space, chronotope in social and humanitarian knowledge]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. no. 1. pp. 3-9. [in Rus].

17. Monastyreva L.N., Romanova L.N. (2022) *O sovremennykh gibridnykh voynakh* [About modern hybrid wars]. *Vestnik NITS VA RVSU*. no. 4. pp. 119-123. [in Rus].

18. Prigozhin I. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*. no. 6. pp. 46 -57. [in Rus].

19. Senyavskaya Ye.S. (2010) *Vremya i prostranstvo na voyne* [Time and space at war]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. Vol. 3. no. 1. pp. 5-17. [in Rus].

20. Serzhantov A.V. (2021) *Transformatsiya soderzhaniya voyny: ot proshlogo k sovremennomu* [Transformation of the content of war: from the past to the present]. *Voyennaya mysl'*. no. 1. pp. 45-56. [in Rus].

21. Svechin A.A. (1926) *Strategiya* [Strategy]. Moscow, Gosvoenizdat. 400 p. [in Rus].

22. Solov'yev A.V. (2020) *Filosofiya voyny: yedinstvo v mnogoobrazii* [Philosophy of War: Unity in Diversity]. *Filosofskiy nauki*. Vol. 63. no. 1. pp. 20-39. [in Rus].

23. Sun'-tszy (2015) *Traktat o voyennom iskusstve* [Treatise on the art of war]. Moscow, Popurri. 140 p. [in Rus].

24. Fadeyev A.S., Nichipor V.I. (2019). Voyennyye konflikty sovremennosti, perspektivy razvitiya sposobov ikh vedeniya. Pryamyie i nepryamyie deystviya v vooruzhonnykh konfliktakh XXI veka [Military conflicts of our time, prospects for the development of ways to conduct them. Direct and indirect actions in armed conflicts of the XXI century]. *Voyennaya mysl'*, no. 9. pp. 33-41. [in Rus].

25. Khaydegger M. (2003) Bytiye i vremya [Being and time]. Khar'kov, «Folio». 503 p. [in Rus].

26. Chuprov A.S. (2019) Dialogi na krayu ontologicheskoy bezdny [Dialogues on the edge of the ontological abyss]. *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79). pp. 123-137. [in Rus].

27. Eynshteyn A. (2000) Teoriya otnositel'nosti. Izbrannyye raboty [Theory of relativity. Selected works]. Izhevsk, Nauchno-izd. tsentr «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika». 224 p. [in Rus].

28. Eliade M. (1994) Svyashchennoye i mirskoye [Sacred and profane]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 144 p. [in Rus].

Статья поступила в редакцию 05.04.2023

For citing: Lukin, A. N. Chronotopos of the war at the beginning of the XXI century: military-philosophical aspect / A. N. Lukin, S. S. Domrachev // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 27—37. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. — EDN IWNULD.

UDC 531.111

EDN IWNULD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37

CHRONOTOPOS OF THE WAR AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: MILITARY-PHILOSOPHICAL ASPECT

Anatoly N. Lukin,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Associate Professor, Department of Public Administration, Legal Support of the State and Municipal Service
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Sergey S. Domrachev,

Military Educational and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin", Chelyabinsk branch
Professor of the Department of Military-Political Work in the Armed Forces,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ssdomrachev@mail.ru

Abstract

Introduction. War as a social phenomenon has always been an object of philosophical reflection, since its results largely determine the further development of society and have a profound impact on all spheres of social life. In connection with the ongoing so-called special military operation which Russia is conducting in Ukraine and which is at the same time a proxy war of the collective West against our country, the modern philosophical discourse of war is clarified. One of the important aspects of the ontology of war is considering its chronotopos. The space-time factor has a significant impact on the course and outcome of hostilities in modern warfare, which makes its study very relevant.

The purpose of the study is to describe the chronotopos of modern warfare, to show the influence of the space-time factor on the course and result of hostilities.

Methods. Being supporters of the relational concept of space and time, the authors consider the chronotopos of war as its internal attributive property. In addition, they rely on the methodology of synergetics, which makes it possible, in addition to the external universal space-time, to single out the internal space-time of open complex non-equilibrium systems. The authors apply structural-functional analysis to study material and ideal objects that influence the characteristics of space and time in modern warfare. They also use general scientific methods: abstraction, comparison, description and explanation.

Scientific novelty of the research. The authors give characteristics of the war chronotopos at the beginning of the 21st century, and consider the tendencies of its changes. The necessity of taking into account spatio-temporal changes in planning and conducting hostilities in modern warfare is substantiated.

Results. New means of warfare, as well as the corresponding changes in tactics, operational art and strategy, will significantly reformat the chronotopos of war. The space of modern warfare is being radically transformed due to the fact that the confrontation simultaneously takes place not only on the plane, but also in the air, in space, under water, and even in social networks. New capabilities of strike systems are changing the perception of such characteristics of the war space as the front and rear. What was previously considered a deep safe rear, in the era of using missiles and combat drones, is no longer such. The time of war is also changing. An increase in the flight speed of ammunition, aircraft, and missiles increases the dynamics

of battles and intensifies all processes on the battlefield. Hypersonic systems are changing the pace of war, space satellites, reconnaissance drones and new technologies make it possible for the commander officer of the battle to see everything that happens on the battlefield in real time, regardless of the distance from objects. Each new war is fought in its own space-time continuum. To win the war, all this must be taken into account.

Conclusions. The chronotopos of war within the framework of the relational concept of space and time prevailing in modern philosophy is changing due to the emergence of fundamentally new means of warfare with new capabilities, which requires a significant adjustment in combat management, ensuring the adequacy of human behavior in war, training troops, taking into account the characteristics of the space-time continuum of a particular war, understanding on the part of the command staff of the essence of changes in the space and time of modern war. Old stereotyped ideas about the chronotopos of war can cause disorientation of a person on the battlefield, which requires not only a philosophical reflection of the ongoing spatio-temporal changes, but also the practical consideration of new knowledge in training troops, in planning and conducting combat operations.

Keywords:
war,
chronotopos,
space,
time,
philosophy of war